

Виктория Черножукова

Поэт, прозаик, журналист, пиар-менеджер. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Окончила факультет журналистики СПбГУ. Участник ЛитО под руководством В. А. Лейкина. Автор сценариев серии документальных фильмов, организатор художественных выставок, ведущая рубрики «Женский взгляд» в журнале «Аврора». Издала две книги прозы. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области журналистики за проект «Невская проза» (2020). Лонг-лист национальной литературной премии «Большая книга» (2023). Живет в Санкт-Петербурге.

Больше чем любовь

По понедельникам было три пары: на первую попадали только отъявленные отличники, а две другие Катерина честно посетила. Больше делать в университете было нечего, но возвращаться домой не хотелось.

Она, недолго думая, запрыгнула в троллейбус и добралась до общежития засветло, несмотря на февраль. В двушке, которую занимали Гриша и Марат, в любое время суток сгущались сумерки.

— Заходи, Катрин. Мы тут с Гришенькой как раз завтракаем! Тебе налить?

— Вы что, только встали? Сейчас полчетвертого, на всякий случай. Вино с утра? Фу!

— Вопиющий образец женской логики! Давай определимся: еще утро или уже полчетвертого?!

Спорить с Маратом было бессмысленно, хоть и приятно. Катя присела на краешек стула, слегка примяв попой кучу польских чудовищно-голубых джинсов-пирамид, лежавших там.

— Как бизнес?

— Прелестно! Вчера двое товарищей с философского приобрели. Зачем, интересно, философам этот мелкобуржуазный понт?! Я бы отчислил с факультета нахрен! С такими студентами у отечественной философии нет будущего! Гришка, ты согласен?

— Согласен. У отечества нет будущего!

— У отечества как раз — есть! Светлое капиталистическое будущее!

В дверь дважды постучали.

— О! Это к нам! Кити, голубчик, открой пожалуйста! Если там барышня, скажи, что нас с Гришей до вечера не будет.

— Сами врете своим девицам! — не удержалась она, однако отправилась на кухню, где находился вход в блок.

По кухне хмуро бродил Аман — наследный принц маленького гордого африканского племени. Папаша, видимо, из почтения к возведшему его на трон автомату Калашникова, спровадил сына в СССР учиться журналистике. Аман приторговывал использованными армейскими штанами, куртками и берцами «made in USA» (снятыми с вражеских солдат?), разбивал сердца белым женщинам, по-видимому, мстя за столетия рабства, и вообще демонстрировал физическое превосходство черной расы. Например, ошивался на общей кухне в одном лишь махровом полотенце, ярком, как саронг. Катя немного замедлилась, привычно загнипнотизированная черным, гляцевым, точно рояль, торсом, и не сразу заметила, что в двери уже топчется незнакомый несвежий юноша.

— Мне нужен Марат или Григорий.

— Входите, не заперто! — Катерина пнула ногой дверь в комнату, не переставая, однако, наблюдать, как Аман посыпает специями густо намазанный майонезом кусок булки. — Господа уже встать изволили. Надеюсь, вы не пришли требовать сатисфакции?

— Нет. Мне говорили, что у них джинсы...

— Точно так! Оне известные негодяи!

Аман повернулся спиной к тлеющей на плите яичнице и самым двусмысленным образом улыбнулся Кате, хотя, очевидно, не понимал ни слова. В свободном доступе у него была лишь обсценная лексика. Можно было еще поиграть в гляделки, но она — от греха подальше — решила вернуться в обитель белых людей.

Марат, облаченный в голубые джинсы «пирамиды», с размахом коробейника раскладывал портки на кровати, а Гришка обрабатывал робко-го недотыкомку.

— Дружище, не сомневайся! Круче вообще только Джомолунгма! Что такое ствольник? Бумага! Потеряешь, украдут — и нет его. Жизнь вообще коротка! Да, Марчи?

— Без вариантов!

— А в этих штанах вообще любая с тобой пойдет. Потому что сразу видно: у мужчины вкус есть, и он не жмот. Девушки — они модных парней любят, а жадных — нет! Вот Кэт тебе скажет! А она самая зачетная барышня на курсе. Может быть, даже на всем факультете.

— Угу.

— Да ты примерь!

Гришка вложил в кривые лапы покупателя джинсы. Бедняга прижал их к животу, как футболист перед пенальти, поглядел на Катю и недвусмысленно вспотел.

— Не беспокойтесь! Там, за шкафчиком, будет не видно!

Марат махнул рукой в сторону облупленного шифоньера.

Катя раздраженно скривилась.

— Я и так не смотрю! Мужское исподнее меня не интересует.

— Знаете, я, наверное, не буду мерить. Зачем? Это же мой размер?

— Конечно! Правильно. Пусть девки попой перед зеркалом вертят!

Гриша зашел бедолаге во фронт и поддержал джинсы, пока тот извлекал пополам сложенные десятки.

— Смотри-ка! Все новенькие! Сам рисовал?

— Родители дали.

Марат неторопливо рассмотрел каждую купюру на просвет.

— Все верно!

— До свидания, товарищ! Удачи тебе! Можешь каким-нибудь своим передать, что у нас пока есть, но мало. Пирамиды, сам понимаешь, всем нужны.

— Кстати, милейший, а вы с чем вещь носить собираетесь? Надеюсь, не с этими ботинками?

Марат посмотрел на обувь с укоризной и нежностью, как добрый родитель на расшалившегося малютку.

— А с чем надо?

— Гришенька! — Марат перевел на друга светлеющий с каждой секундой взор. — У тебя же был «Nike»? Все равно носить не сможешь — он тебе велик.

— Смеешься?! Да плевать, что велик! Это же реальный «Nike»!

— Послушай! Помоги человеку! Не видишь, что ли — ему нужнее!

— Отстань! Такой добрый — отдай свои!

— У меня единственные, а тебе есть в чем ходить!

Катерина не без удовольствия следила за драматургией.

Парень остолбенело завис, не смея уйти. Только мычал что-то невнятное, пытаясь вклинить в диалог. Через положенное время Гриша извлек из шкафа какие-то мутные штиблеты и поставил их на стул со всеми почестями, как какого-нибудь Челлини на аукционе Сотби.

Марат радостно приобнял жертву.

— Ну вот! Теперь будет просто идеально!

— А сколько эти кроссовки стоят?

— Гришенька?

— Двести пятьдесят!

— У меня нет столько!

— Григорий! Надо помочь!

— Что значит — помочь?! Я — не Красный Крест!

— Знаете, юноша, забирайте за двести! Я его уговорю!

— Но у меня и двухсот нет...

— А сколько есть?

— Сто двадцать. Но это вместе со стипендией.

— Эх, что с вами делать! Давайте сейчас сто двадцать, а через месяц остальные.

— Они не с собой. В комнате.

— Так идите же скорее! Пока наш друг не передумал.

Марат довел парня до выхода и деликатно прикрыл за ним дверь — все жесты, движения, интонации молодого татарского аристократа были вопиюще интеллигентны. Катя никогда не могла до конца поверить, что на родине, в Набережных Челнах, Марат славился участием в уличных драках.

— Марчи, сними с себя эту голубую гадость! — Гриша скривился. — Легкая промышленность Польши оскорбляет мое чувство прекрасного!

— А мне даже нравится их демократический покррой: любой Аполлон в пирамидах выглядит, как Карлсон. Пирамиды побеждают социальное неравенство! Кстати! Знаете, милый друг Катенька, мы с Григорием являемся авторами мощного поэтического произведения «Пирамидон». Страшной маркетинговой силы вещь!

— Огласите!

Марат вытащил из груды полиэтилена и коттона мятые бумажки. Одну протянул Гришке, парочку оставил себе. Затем джентльмены встали посреди комнаты, зеркально отразившись друг в друге: одна рука у сердца, другая — навстречу зрителю.

— «Пирамидон»! Стихи собственного сочинения господ Астафина и Мансурова.

Катя похлопала.

— Косяком плывут ставриды, как на Невском «пирамиды»!

— Нет ламбады без либидо. Нет лоха без «пирамиды»!

— Даже дипломат из МИДа купит сыну «пирамиды»!

— Сверху хоть надень хламиду, если снизу «пирамиды»!

— Конечно, это только начало нашего большого поэтического пути, но уверен, что сермяжная правда произведения искупает его технические недостатки! Правда, Григорий?!

— Конечно, Марат!

Катя закашлялась от смеха и энергично заплодировала.

Потом пришла Ольга, жена Гриши. Катерина очевидно была в нее влюблена: высоченная, узкокостная, с кукольной прической и лицом от художника Модельяни. Она состояла из безупречности и обаяния. Ольга выглядела, словно внучка миллиардера, которая по праву рождения обладает всеми благами мира, а потому всегда проста и доброжелательна.

Гриша познакомился с женой в Воронеже. Увидел ее в окне автобуса, поймал такси и следовал до ее остановки, как в шпионском кино. По дороге успел решить, что Ольга — его судьба, что в хамских воронежских новостройках не место этой благородной красоте и что его миссия — вернуть ее миру.

Мать Ольги растила своих двоих одна. Младший — хрупкий, болезненный — требовал постоянного денежного участия, поэтому Олин гардероб состоял из единственной юбки, перешитой из старого теткингого платья. А из обуви, в зависимости от времени года, полагались кеды или резиновые сапоги. Однако бедность не сделала ее хищной и черствой. Она не чуяла своей безупречной отъявленной красоты, не пользовалась ею. Была барышней веселой, но с воспитанием. Отлично училась в каком-то ПТУ, где ходила в старостах и любимицах преподавательского состава.

Короче, Григорий влюбился и выкупил ее у семьи.

— Смотрите, Анна Кондратьевна, у Ольки стипендия — шестнадцать рэ. Хорошо, через год она работать пойдет. Ну, сколько? Семьдесят?! Стольник — это в самом благоприятном случае. Так она же не все в семью понесет. Что-то и на себя. А я не только ее в Ленинград возьму, но буду каждый месяц присылать те же сто рублей. Причем начну прямо сейчас. Она там в институт поступит. Высшее образование любому человеку нужно. Вы же хотите дочери добра, правда?

Теща не могла возражать. В каждой Гришкиной фразе было энергии больше, чем во всем ее теле. Даже родители жениха не препятствовали особенно, что, вообще-то, из области необъяснимого: Астафин-старший служил полковником КГБ, а супруга его имела должность в горкоме. Наверняка для единственного сына присматривали невесту из «хорошей» семьи.

Ольга поступила в физкультурный институт имени Лесгафта. Ей с мужем полагалась целая комната в семейном общежитии, но Гриша, как правило, предпочитал холостяцкий быт и Мараткину компанию. Кате казалось, что он немного стыдится жены. В Воронеже она была хороша, а здесь ей как будто недоставало лоска, искушенности и цинизма.

— Ребят, привет! Гриш!

— Оля, ребята — в детском саду! Сколько раз повторять?! Выйди и зайди еще раз. Как следует!

Ольга рассмеялась. Поцеловала Григория в темя — на каблуках она была выше сантиметров на пятнадцать — но вышла за дверь. Прикрыла ее за собой, трижды громко стукнула и снова вошла.

— Добрый вечер, Гриша. Добрый вечер, Марик и Катюша. Я вам поесть принесла.

— Ваша мама пришла, молочка принесла.

— Оленька, божественная, не слушай его! Этот мужлан тебя недостоин! Позволь, я приму у тебя сумку.

Марат одной рукой помог освободить плечо, а другой ловко поймал ее ладошку и, наклонившись, поцеловал. Ольга, как всегда, покраснела и быстро глянула в Гришину сторону. Она как будто не верила, что такие галантности допустимы по отношению к хорошей жене, и выглядела заметно виноватой. «Интересно, — подумала Катя, — неужели Гриша на самом деле не ревнует Ольку к каждому столбу? Невозможно же — такую красавицу? За ней наверняка кто только не пытается ухаживать...»

Впрочем, эти мысли Екатерина держала для внутреннего пользования. Она строго следовала политике невмешательства, неожиданно для себя зачерпнув из материнского житейского опыта хоть что-то полезное.

Ольга потянулась к сумке, достала полиэтиленовый пакет с вареньем, батон и две бутылки кефира.

— Варенье мамино. Вчера посылка пришла.

— Тещенька — золотой души человек! Вот от тебя, Оля, вишневого варенья не дождешься!

— Гриш, ну где варить?! В общежитии?! И вишня в Питере дурная...

— Оля! — Григорий устало посмотрел на жену. — Я сейчас шутил, Оля! Это называется «ирония». Не все слова надо воспринимать буквально.

Она привычно сжалась и замолчала. Марат открыл кефир, налил половину Кате в чашку, а сам стал пить прямо из бутылки, откусывая от батона. Гриша взял вторую, сколупнул с горлышка серебристую фольгу с двумя зелеными полосками, предложил Ольге: «Будешь?» Она мотнула головой, отказываясь.

— Олюшка! — Марат сглотнул здоровенный кусок булки. — Пожалуйста, выпей кефир! Или вина хотя бы. Ты уже такая эфемерная, что поговаривают, будто Гришка из тебя пьет кровь. Я-то знаю, что пьет, но все же в метафизическом смысле... а кажется, что прямо заправским вурдалаком в твою лебединую шею...

— Марик, спасибо! Я не хочу. Подумаешь, слухи. Гриша просто человек такой... Яркий! Про него все время сплетничают!

Марат по-восточному непроницаемо улыбнулся, Гришка покраснел, а Катя хмыкнула — не сдержалась.

— Оля! Никто меня вампиром не считает. Все хорошо.

Повисла пауза. Катя поставила чашку с недопитым кефиром на стул.

— Парни, я пойду! Мне еще к девчонкам надо.

— И зачем тебе к этим так называемым девчонкам? Там ни одной мысли на кубический метр, и все пропитано женской истерикой. Марчи, может, спустишься с Катюней в кафе и накормишь девушку горячими бутербродами? А еще в магазин бы...

— Каті, ma cherie, этот человек пытается спровадить нас на пару часов, vous comprenez?

Ольга с посторонним лицом разглядывала сквозь грязное окно хмарь Финского залива, а Гришка энергично закивал:

— Да. Можете не торопиться!

— Может, я все-таки к девчонкам? — неуверенно протянула Катя.

— Ну уж нет! — Марат обнял ее за плечи и энергично развернул к двери. — Теперь мы просто обязаны съесть все горячие бутерброды в нашем заведении. И молочный коктейль! Астафьев платит.

— Тогда идем! Олечка, пока!

Катерина послала супругам воздушный поцелуй, а Марат повторил ее жест и гнусаво пропел:

— Bon chance! Развлекайтесь!

Катя заняла диванчик в прокуренном темном углу, пока Марат ворковал у стойки с какой-то кралей. «Что они в нем находят: тощий, длинный, глумливый?! Глаза голубые? Но разве этого достаточно, чтобы не просто влюбиться, а прямо в постель? За него даже замуж не выйти, в случае чего. Наверняка там дома, в Челнах, невеста давным-давно припасена... »

Катерина никогда не была мишенью мужского обаяния Марата или Григория, оно только задевало ее по касательной, когда ей случалось присутствовать при их «брачных танцах». Но парни охмуряли девиц так ловко, что нельзя было не восхищаться.

Гришка включал мрачного циника. Молча подгружался коньяком, изредка бросая реплики, исполненные горечи: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Ничего больше! И, тем не менее, моментально находилась какая-нибудь трепетная дева, мечтающая повернуть его к свету. Если дева была красива, Гриша соглашался дать миру шанс, а если так себе, то отпускал в ее адрес такую гадкую колкость, что несчастная исчезала с вечеринки, как призрак.

Маратка оплетал паутиной галантности сразу всех. Отпускал ветвистые комплименты, смотрел каждой в глаза, подливал вино, подносил зажигалку и, не замолкая, шутил. Когда барышни становились мягкими,

он, определившись с жертвой, незаметно уводил ее со сцены. Марату нравились любые девушки, и он нравился всем.

Катя не могла понять, как случилось, что ни один из них ни разу не проявил к ней интереса. Она, понятно, «не такая», но хоть бы попытались! Было довольно обидно. Как-то, в момент безрассудства, — они с Маратом шли за крепленным на «пьяный угол», — Катя не выдержала.

— Марик, вот честно — я что, страшная?

— В каком смысле? — он даже остановился от изумления.

— В обычном! Я некрасивая? Как девушка?

— С ума сошла, подруга?! Знаешь же, что суперкрасотка! Джулия Робертс отдыхает! По тебе все парни на курсе сохнут.

— Ага, все! Ну, Гришка, ладно! Положим, у него Оля, хотя к другим подкатывать ему жена не мешает... Но ты! Ты — никогда! Даже вначале!

— Екатерина! — произнес Марат строго и торжественно. — Со всем уважением, Екатерина, ты что, дура? Разве можно друга за попу хватать?!

— А когда это вы с Гришкой решили, что я — друг? Интересно, с чего?!

Ее неостановимо несло, тем более, что достигнутый градус располагал к вопросу: «Ты меня уважаешь?» Однако Марат отнесся к предъяве серьезно.

— Что значит — «с чего»? Когда твою пьесу услышали, тогда.

Весь Катин гнев стремительно сдулся. Ей стало стыдно, но одновременно приятно. Вот она какая — слава!

Пьесу в стихах с заковыристым названием «Мизэнтропия» она читала на зимнем заседании «Северного креста — 2». Дело было под Новый год, и, кроме своих, образовалась «публика» — празднующиеся товарищи с гуманитарных факультетов. Все изрядно набрались, и литература шла на ура. Но потом сразу навалилась сессия, и головокружение от успеха сняло, как рукой. В общем, подмигнула слава, где не ждали...

Наконец, поспели бутерброды. К ним Марат прихватил каких-то лонг-дринков, от которых девушка моментально почувствовала себя пьяной. В таком виде возвращаться не стоило. Надо было немедленно решать: или тоскливо трезветь и через пару часов пилить домой, или оставаться на ночь в общежитии. Она решительно допила коктейль.

— Марик, а у нас какой лимит на спиртное?

— Безграничный. Можешь набубениваться до положения риз, моя нежная голубка. Мы при деньгах.

— Тогда возьми мне, пожалуйста, еще пару русских: черного и белого. А когда вернешься, я расскажу тебе, что выхожу замуж.

Марат внимательно посмотрел на Катерину поверх ленноновских очков, кивнул головой и отправился к барной стойке. Вернувшись, он поставил четыре стакана и вальяжно расселся напротив:

— Ну, за брак! Кто, кстати, жертва?

— Жертва, между прочим, я! А жених — Борис Сергеич.

— Ничего себе, как его раскатало... Ты, конечно, абсолютно непредсказуемая барышня. Так мы, что ли, празднуем?

— Не уверена, — уныло промямлила Катя. — Не уверена, что хочу замуж сейчас... И что за него хочу — не уверена...

С того дня, как Борис Сергеевич сделал ей официальное предложение, прошло пару недель, и сватовство, которое она сначала восприняла как шутку, стремительно набирало обороты. Родители энергично включились в процесс и теперь могли говорить только об этом. Причем они не ограничивались обсуждением меню, зала и гостей. Основной темой была Катя. Неважно, за какое здоровье начинали, — все равно заканчивалось наставлениями, как должна вести себя невеста. Внезапно обнаружилось, что дочь все делает неправильно. Люди, которые еще в шестнадцать лет спокойно позволяли ей ночевать у подруг, вдруг стали намекать, что девушка «должна спать в своей постели», «больше времени проводить с женихом» и «не напиваться с друзьями — какая разница, что там одни девочки». Это было возмутительно! Наверное, если бы Катя вожделела Бориса Сергеевича или хотя бы чувствовала себя влюбленной... А сейчас получалось, что из-за пятерки по литературе Серебряного века придется менять жизнь.

История завязалась в начале прошлого семестра. Астафин, который всегда все знал, как-то между парами в курилке сообщил, что новый преподаватель, хоть и молодой, но сволочь, девок на дух не переносит, и положительную оценку за экзамен ставит, в среднем, с пятого раза. Присутствующие затрепетали, словно листья на ветру, а Катерина тут же выступила: мол, слухи о том, что мужчина-филолог — не мужчина, сильно преувеличены, главное — подойти к проблеме с умом. Григорий тут же предложил пари, а остальные, конечно, поддержали. В общем, отступить было некуда. Забились на ящик Алазанской долины. Сразу получилось нечестно: Астафин успешно фарцевал, для него проставиться — раз плюнуть, а Катя вряд ли смогла бы объяснить папе с мамой, зачем ей внезапно понадобились двенадцать бутылок вина. Поэтому она взялась за Бориса Сергеича пылко и основательно: узнала у старших товарищей с филфака, что темой его диссертации был Николай Гумилев, и при любом удобном случае вставляла цитатки из малоизвестного. Два раза в неделю она одевалась, как гимназистка: темные платья, волосы в пучок.

Время шло, преподаватель не поддавался. Она повадилась провожать его после лекций — запасалась вопросами, уточняла детали. Стало теплее. Очевидно, он был готов рассказывать о своих драгоценных акмеистах бесконечно. Прощаясь, Катя не сомневалась, что ему не хочется с ней

расставаться, но, кроме обволакивающих взглядов, Борис ничего себе не позволял.

Близился декабрь. До сессии оставались сущие пустяки, и Екатерина решила форсировать: в очередной раз прогуливая дорогого доцента, поскользнулась на наледи. Естественно, ему пришлось обнять девушку за талию, чтобы помочь дойти до скамейки, а потом еще растереть ее лодыжку. Это, конечно, сблизило их, но, тем не менее, полной победы не принесло.

Катя внутренне уже готовилась к поражению и изобретала финансовые схемы. Поэтому была искренне удивлена, получив за экзамен «отлично». Этого оказалось достаточно, чтобы спор сочли выигранным. Астафин выкатил Алазанскую долину, и история, казалось бы, обрела счастливый финал. Но не тут-то было! После сессии Борис Сергеевич пригласил Катерину в ресторан, где и признался ей в любви.

— Если бы ты знала, как я ждал, когда закончатся экзамены! Теперь я тебе не преподаватель... Наверное, это все еще не очень этично... Но формально я уже имею право сказать, что люблю тебя, и что ты — самая прекрасная девушка на свете.

В тот момент Катя почувствовала себя ужасно благодарной: значит, спор выигран честно! В порыве триумфального ликования она обняла его и поцеловала. Разве можно было предположить, что Сергей Борисович решит, что это — «да»?! Однако он именно так и решил!

Некоторое время он мирно ухаживал: дважды водил в театр, приглашал в гости и еще по мелочи. Конечно, они каждый раз целовались, но Кате было не жалко, тем более, что дальше дело не шло. Он даже лифчик не пытался расстегнуть, целомудренно щупал через одежду. Наверное, думал, что она девственница.

Вскоре Катерина уехала на неделю с подружкой в Зеленогорск и вообще о нем забыла, но, как только начался семестр, Борис Сергеевич возник с цветами, кольцом и прочими пирогами. Приехал делать предложение. Причем сразу родителям. Мама немедленно стала абсолютно счастлива, и папа не возражал. Только невесту не спросили. Просто каменный век какой-то!

Теперь Катя совершенно не представляла, как выйти из создавшегося положения. Свадьба неумолимо надвигалась, словно возмездие за разбитую вазу, когда мама смотрит на опустевший журнальный столик: «Где же моя любимая гжель?! Что значит она сама?! Ты уже большая, должна отвечать за свои поступки!»

— А зачем соглашалась? — по тону Марата было ясно, что он не укорял, а просто интересовался мотивами.

— Да меня как-то не спрашивали. Он с родителями говорил. Что я должна была?! Валиться в ноги: «Папа, мама не выдавайте!» Это же бред какой-то!

— Ага. А так, конечно, гораздо лучше... Катрин, а может, ты хочешь замуж, просто себе не признаешься? Девушки же любят всю эту канитель: платье, прическа, мендельсон...

— Марик, вот что ты по живому?! Я, естественно, хочу платье! Но дальше-то как?! Вряд ли мы после пожмем друг другу руки и останемся друзьями! Мне придется варить борщи, ночевать дома и слушать, что нового произошло в Серебряном веке! В ночные клубы он наверняка не ходит, в компаниях не бухает... И я представляю его товарищей: такие же филологические маньяки! Буду им чай подавать с сушками на семейных торжествах!

— Ангел мой, главное, прекрати вопить! Ты так горячишься, словно собираешься возглавить движение за отмену института семьи. Напоминаю: я — вообще ни при чем. Я тебя в ЗАГС не увлекаю.

— Прости, — буркнула она, отхлебнула коктейль и мрачно закурила.

— Пустяки... Давай так: сейчас Гришаня освободится, и мы вместе что-нибудь придумаем. А ты пока сиди слушай свой внутренний голос. Прежде всего, ты должна сама решить, чего хочешь.

— Не надо Астафину говорить. Он стებაься начнет... Можно подумать, я не понимаю, как глупо выгляжу... Вот что мне Борису сказать? Про то пари дебильное?! Я же весь семестр вокруг него разве мазурку не танцевала... А маме?! Она уже позвонила Любовь Андреевне про банкетный зал, с портнихой договорилась платье шить и про заявление, чтобы без очереди...

— Хочешь, я сожгу твой паспорт? А пепел съем! Без паспорта ты точно не сможешь подать заявление. Или даже лучше так: ничего жечь не будем, но, когда женщина в ЗАГСе спросит: согласна ли ты вступить в брак, ответишь: «Нет». Заодно узнаем, что получится. Так никто еще не делал, хотя, уверен, многие хотели.

— Вот какой ты после этого друг, Марат?! Я же серьезно, — уныло проямлила Катерина, опрокидывая остатки коктейля. — Не помогаешь, так хотя бы напои девушку...

К полуночи она была полностью и бесповоротно «в дрова». Хорошо, что Гриша — пьяный ли, трезвый — сохранял ясность мировосприятия, и, снабдив «двушкой», отправил Катю вниз, к телефону-автомату, чтобы она позвонила родителям.

— Але... Пап... Мы тут с девочками готовились... К семинару... Я домой не поеду уже. Поздно. В общаге заночую, — Катерина старалась, чтобы голос звучал убедительно и трезво. — Передай маме, чтобы не волновалась.

— Доченька, подожди! Не вешай трубку! Тут тебе звонили. Борис в больнице. Он под машину попал. Сейчас адрес... Сможешь записать?

«Вот почему всегда происходит именно так? Почему к жениху в травму обязательно ехать в сопли бухой? Там наверняка его мама... Лучше, наверное, было убедить Гришку с Мариком остаться... Вот такая невеста: бухая в сопли и с двумя мужиками... Родители меня убьют...» — Катя смотрела в окно машины, пока парни умело обрабатывали шофера, который согласился везти нетрезвую троицу за немислимые деньги — десять рублей, и теперь стояла задача убедить мужчину, что жадность хуже доброты в кармическом смысле. Вариант просто заплатить меньше, чем договаривались, молодые люди даже не рассматривали — неспортивно, хотя что бы им мог сделать пожилой бомбила?! Взял бы, сколько дают, и утерся.

Ей было стыдно, как, наверное, никогда в жизни: худшая невеста, худшая дочь, худшая подруга.

Шофер высадил их у входа в приемный покой, извиняясь и благодаря, взял трешку и отчалил в ночь. Они прошли в обшарпанный предбанник, который охраняла крупная усатая тетенька в несвежем халате. Катя плюхнулась на стул, а Гриша и Марат пошли брать следующую высоту.

— Сестренка! У подруги нашей жених здесь. Поссорились они. Вдруг как не придется увидеться больше? Пусти девочку попроситься. Говорят, что красавицы черствые, но ты, по глазам вижу, с сердцем!

— Девушка, простите моего друга! Мы очень переживаем, очень! Только потому решили так грубо вас беспокоить. Прошу вас, примите. Это не деньги. Это цветы! Просто едва ли мы ночью сумеем найти букет, достойный вас. — Марат взял теткину ручищу, поцеловал, вложил в нее десятку и вернул обратно, словно выпустил на стол зверька.

Катя не могла определить, кто эта женщина: медсестра, врач или вообще санитарка; имеет ли право пускать ее к Борис Сергеичу или нет. Разве это было важно?! Все равно ничего уже не исправить. Это она, Катя, виновата во всем. Если бы она его любила, ничего этого бы не произошло...

За спиной у тетки открылась дверь, вышли две каких-то женщины в серых уродливых пальто: постарше и помоложе. Обе держали в руках пакеты, а та, что помоложе, несла пару грязных мужских ботинок.

— Галина Ивановна, здравствуйте! — Катерина едва признала грядущую свекровь. — Как Боря? Извините, я поздно узнала. У сокурсницы был день рождения...

Она попыталась втянуть в себя спиртовой выхлоп, но, видимо, тщетно, потому что женщина осуждающе поморщилась.

— Он ничего. Только ребро сломано и ушибы. Сказали, понаблюдают пару дней и отпустят домой... А это Верочка. Она с Борей вместе училась.

Катя подняла глаза на невзрачную особу, которая пристроилась за спиной у Галины Ивановны и постно тупилась на собственные штиблеты.

— Здравсьте, Вера, — Катерина кивнула.

Особа выпрыгнула из укрытия и ухватила ее за руку:

— Здравствуйте! Я так хотела с вами познакомиться... Давно хотела... Боря, думаю, был бы не против... Правда, уже неважно... Раз само сложилось...

Катя потрогала ее рыбью ладошку и сразу отпустила. Вера была похожа на мороженный палтус: серые, в цвет пальто, волосы, глаза, брови. Впрочем, бровей почти не было. Зато был узенький беленький носик, который торчал, как рыба кость.

— Очень приятно.

Пока они обменивались приветствиями, Марат и Григорий оставили больничную привратницу и, не прощаясь, выскользнули наружу. Видимо, сочли миссию выполненной. Катерина вздохнула с облегчением: может, женщины не догадаются, что эти два гусара имеют к ней отношение.

Внезапно на горизонте замаячил какой-то доктор, и Галина Ивановна рванула к нему. Катя же, наоборот, плюхнулась обратно на стул. Неожиданно Вера присела рядом.

— Вы очень красивая... И юная... — добавила она, глядя куда-то в сторону. — Как ему было в вас не влюбиться?..

— Спасибо, конечно, — Катя несколько опешила: в интонациях собеседницы сквозило явное осуждение. — А вы давно здесь? Бориса видели?

— Я с Галиной Ивановной приехала. Она, как узнала, — сразу мне. Мы быстро добрались — его даже еще оформить не успели. Я недалеко живу... Не от больницы, от Бори. Он ничего, только грязный, как бомж... Брюки, пальто... Пальто, наверное, еще можно почистить, а на брюках — дыра во всю коленку. Придется выбросить... Мы этот костюм вместе купали, — прибавила она с некоторым вызовом.

Катерина кивнула. Купали и купали, она что, оспаривает?! Но потом сквозь похмельную тупость ее осенило: эта мыш и есть «та самая Вера» — однокурсница, с которой Борис крутил роман до аспирантуры и с которой они расстались «по взаимному согласию», но сохранили «настоящую дружбу».

«А Сергеич-то скотина, не хуже других, — с удовольствием подумала Катя. За последние недели это была первая ничем не омраченная приятная мысль. — Бросил любящую женщину и, чтобы не чувствовать себя дерьмом, позволил ей с мамой тусить, пока он со студентками мутит. А

она, как жена декабриста, примчалась по первому зову, ботинки его вонючие охраняет».

У Катерины начался сушняк, голова раскалывалась, хотелось спать, но, тем не менее, настроение с каждой секундой улучшалось. В будущем вдруг образовался просвет, запахло свободой и свежестью.

— Вера, вы ведь любите Бориса Сергеевича, да?

Та испуганно встrepенулась и уставилась на Катю.

— Что вы себе позволяете? — пискнула она, неловко распрямив спину. — Я вам что, подружка?! Мои чувства никого не касаются, а вас — в первую очередь!

— Не надо на меня кричать. Галина Ивановна услышит, — ухмыльнулась Катерина. — Вы его любите, ежу понятно. У меня такое предложение: выходите за него замуж. Все честно. Смотрите, я прямо сейчас поднимусь и уеду, а вы скажете, что я испугалась — вдруг он после аварии станет калекой, — и сбежала. Уверена, что Борис не захочет жениться на предательнице. Заодно оценит, как важно, когда рядом такая женщина, как вы. С другой стороны, я объясню родителям, что увидела вас — его прежнюю любовь — и не смогла строить счастье на чужом несчастье. В этой формулировке я не слишком уверена, но мама считает ее абсолютной. Думаю, прокатит. Ну? Договорились?

Вера испуганно захлопала глазами, зашевелила головой — непонятно было, соглашается она или протестует. Кате показалось, что женщина сейчас хлопнется в обморок: ее бескровное лицо стремительно приобретало землистый оттенок.

— Дорогая Вера, я вас очень уважаю. Честное слово! Предлагаю от чистого сердца. Вы же сами видите, разве я смогу оценить Бориса по достоинству? Он бы со мной намучился. В общем, я буду считать, что мы договорились.

Катерина встала и, не оборачиваясь, вышла из приемного отделения прямо в февральскую ночь. Снежная жижа сразу намочила сапоги, ветер плеснул в лицо острым холодом. До ближайшего метро было минут двадцать бодрого хода, а до первого поезда — три с половиной часа, но разве такие мелочи могли повредить внутреннюю радость?

Она стояла и счастливо вдыхала мокрый воздух.

— Катарина, дитя мое, если ты не собираешься ночевать здесь под пандусом, как парижский клошар, может, поедем домой? — Марат, словно светлячка, запустил в темноту окурочок.

— Парни! — взвизгнула она, повисая на шее сначала у одного, потом у другого. — Как круто, что вы не уехали!

— Совсем за шелуху держишь?! — строго спросил Григорий. — Когда это мы тебя, подруга, бросали?! Ну, что? Ты там разрулила? Можем ехать?

— Да! Я все разрулила! Мы можем ехать! И, кстати, я больше не выхожу замуж!

— О! Позволь, дорогая, я первый тебя поздравлю с этим важнейшим событием в твоей жизни, — Марат троекратно приложился губами к ее щекам. — И еще предлагаю двигаться в темпе на проспект. Если мы не поймаем сейчас же машину, я кони двину от холода.

Пока Гриша договаривался с «командиром» тертой девятки, Марат наклонился к Катиному уху:

— Cherie, а как же теперь быть с платьем?

— Марик, не топчись по больному, — она кокетливо подмигнула. — Иногда приходится жертвовать малым ради великого. И, кроме того, вдруг еще пригодится.

— Ну, если что, ты всегда можешь выйти за меня. Не благодари! Зачем еще нужны друзья?!

Матвейкины слезки

Когда Матвейка был маленький, он редко ходил в зоопарк. В основном посещал Эрмитаж и Русский. В цирк — только пару раз. В смысле, пару раз за всю досознательную жизнь. Бабушка Люся водила. Но эта бабушка, в отличие от Алины Кирилловны, жила далеко, на задворках империи, и нечасто получала право на свидание с внуком.

Еще у бабушки Люси был сын-автослесарь, которого Матвейка никогда не видел, поэтому воображение наделяло дядюшку железными фиксами, наколкой с церковью и русалкой, перстнем-кастетом и прочими атрибутами блатной мифологии, так как, даже произнося всуе имя этого отщепенца, Алина Кирилловна всегда прибавляла: «вор». Как в сказаниях об Илье Муромце: если Соловей, то непременно разбойник.

На станции техобслуживания, где дядя служил мастером, было «золотое дно», которое влекло лишь тех, кто «нечист на руку», и родственник, очевидно, был из таких.

Матвейка знал, что чинить машины — грязное дело. Даже отираться возле них во дворе было строжайше запрещено, ибо грозило замаранностью одежд, что совершенно недопустимо, если речь идет о мальчишке из хорошей семьи.

Впрочем, дядюшка уверенно шел по наклонной: при первой возможности стал приторговывать подержанными автомобилями, потом гонял их самолично из Голландии на родину, очень скоро зарегистрировал предприятие на чужой земле, обратился в образцового налогоплательщика, женился на прекрасной принцессе и осел в собственном доме

в пригороде Амстердама. Последние годы он вел бездуховную жизнь голландского пенсионера: зимой катался на горных лыжах в Швейцарских Альпах, а летом отлеживался на пляже в Ницце.

Мама Матвейки, красотка из спального района, была той же порченной породы: бросила ребенка — сбежала с бродячим цирком. Ловко вышла замуж за зубного техника по фамилии Кацнельсон, помоталась с ним по кибуцам и, наконец, нашла свое счастье с бывшим американским полицейским, обставляя двухэтажный дом под Детройтом местным антиквариатом и выращивая помидоры на заднем дворе. Анафема (трижды)!

Отец был совсем другой: человек долга. В нем всегда существовали смысл и предназначение: хранить и носить. Хранить научное наследие деда и носить его имя.

Матвейка тоже должен был носить. И соответствовать. Гордиться именем Мотя, которое вдохновляло Сань, Лёш и Димок, в изобилии водившихся во дворе, на вульгарное стихосложение: «тетя-мотя-бегемотя», учиться на отлично, безропотно присутствовать на мемориальных мероприятиях и практически ежевечерне выслушивать бабушкины истории, душные от моральной пыли. Однако имя, которое было для отца одновременно и кормушкой, и волчьим капканом, уже не давило на Матвейку с такой невыносимой ответственностью.

Пятьдесят лет Матвейке, а он так и не решил, кем ему стать. Больше того, кто он — для него тайна.

— Матвей Илларионович, здравствуйте!

Матвейка ослабил мысль, плотоядно скользнул взглядом по круглым бокам, ненадолго завис в горизонтали декольте и наконец добрался до лица.

— Здравствуйте, ммм... Белкина... Ксения!

Розовый зефир гладких щечек юницы украсился ямочкой, а в глазах проявилась удивленная радость.

— Не думала, что вы знаете, как меня зовут. У вас фантастическая память!

— Не фантастическая, а профессиональная. К тому же вы занято выступили на прошлом семинаре.

— Матвей Илларионович, я как раз хотела у вас спросить...

Матвейка отключил слух. Господи, ну хоть одна бы подошла и честно сказала: предмет не знаю, учить не хочу, вам удобней наличными или на банковскую карту? Так ведь никогда! Начинают подкарауливать в коридорах, затевать беседы, обнажать острые жалобные коленки. Пытаются заманить на пылкий романтический путь. Барышни... Неужели они всерьез полагают, что их кукольная хрупкость всколыхнет в нем

что-нибудь, кроме эстетических чувств? Эта тропка — в бурьяне, герой неживой лежит! У него прекрасный мужской возраст, когда разум наконец-то окончательно взнуздal либидо.

Конечно, эта мудрость досталась Матвейке дорого. Можно сказать, вообще не по средствам: три внебрачных дочери и сын. Все от студентов разных лет. Правда, первые две родили почти одновременно, что избавило его от необходимости жениться.

Матвейка не был героем, ошеломляющим девичьи сердца: рыхлый, неряшливый, с невротической привычкой почесываться, не смотреть в глаза, повторять сказанное дважды: внятно и еще раз — под нос. Первые, вторые и даже третьи красавицы им не интересовались. И когда новогодней ночью Света предложила проводить ее до комнаты, а после, воспользовавшись отсутствием соседки по общежитию, уверенно им овладела, Матвейка приятно удивился.

При дневном свете дебелия сокурсница с нелепыми перьями тонких волос и лошадиной улыбкой не выглядела, как воплощенная мечта. Но выбор был невелик. К тому же она в темноте проделывала такие вещи, что прочие обстоятельства скрадывались этой темнотой. В общем, Матвейка разглядел богатый внутренний мир, душевное родство и посчитал себя влюбленным.

В феврале на каникулах Света отправилась проведать фамилию в славный город Петрозаводск, а он по студенческой путевке оказался в пенсионерском санатории под Зеленогорском.

Алина Кирилловна лично привезла мальчику сто томов дедовых монографий в надежде, что работа над культурным наследием отвлечет внука от хищной провинциалки.

Там, на зимней тропе здоровья, Матвейка связался с Леной. Точнее, сцепился лыжной палкой. Лена училась курсом старше, была профсоюзная деятельница, кандидат в мастера спорта по тяжелой атлетике — и ее взгляды на мир отличались реликтовой наивностью.

Через пару месяцев выяснилось, что обе беременны. Следующие страницы истории вывалились из памяти подчистую — затерлись до черных дыр.

Он очнулся в сентябре, когда вдруг выяснилось, что обе невесты, приструненные Алиной Кирилловной, решили радовать внезапным приплодом издалека. Дочери, умные, нелюбимые, некрасивые, как их матери, тяготили Матвейку. Старшая, Люба, кромсала стволовые клетки в лабораториях Нёвшательского университета, а Марина преподавала в Сиднейском на факультете ветеринарного дела. Они были как близнецы из индийского кино — разлученные в детстве, но проживающие одинаковую жизнь. Незамужние, бездетные, привыкшие полагаться

только на себя, ни с кем не связанные нежностью — две скалы с тонким штрих-пунктиром Морзе между ними: сестринские отношения — по скайпу, дочерний долг — почтовым переводом.

Матвейка после демографического взрыва несколько лет был внимателен, как сапер, но, поступив в аспирантуру, как-то расслабился. Коллеги — дамы респектабельные, не желающие покидать насиженную социальную нишу — о вечной любви не беспокоились и следили сами, как бы чего не вышло. Если бы он держался от студенток подальше...

Алла целый семестр сидела в первом ряду на Матвейкиных лекциях, задавала вопросы в перерывах, подсаживалась к нему в буфете. К тому же она, наконец-то, была красавица: рыжая, высокая, тонкая, гибкая, как гимнастка. Даже Алина Кирилловна признавала за невесткой манеры и вкус.

Ларик родился через восемь месяцев после свадьбы. Матвейке одно время нравилось быть отцом: сын — не дочь. Да и Алла захорошела: обрела кротость, обтекаемость форм. Но Матвейка быстро остыл. Ребенок рос медленно, жизнь превратилась в размеренный, неинтересный чужой сон. Как будто сын оказался рычагом, который повернул мир, и дальше этот мир катился за счет своей массы, почти незаметно наращивая темп. Мир не нуждался в Матвейке ни как в штурмане, ни как в механике, ни тем более как в капитане. Все оказались при делах: Алла вела окопную войну с Алиной Кирилловной, Илларион Матвеевич — верный Санчо Панса — сопровождал ангелоподобного Ларика в походах и подвигах. Только для одного персонажа не находилось сюжетных линий.

Платили в университете мало. Так мало, что в этом было даже определенное благородство: «голодали как идальго». Пожилые профессора высухали, как ноябрьские листья, изнашивали в заплатки костюмы. Новые, из поколения яппи, рвали жилы в американские и европейские учебные заведения, катались по конференциям в поисках грантов. Матвейка тоже хотел, но преподавать в западном раю не вышло — пришлось выбирать другие способы. Он писал дипломы, кандидатские, занимался репетиторством, но все равно ощущение собственной ненужности, никчемности, неуместности пышно росло, усердно удобряемое бабушкой и женой.

Когда отчаяние сформировалось в неостановимый волчий вопль, судьба подложила ему Дашу. Дарью-Диану. Была такая мода у питерской богемы давать чадам двойные имена. И это понятно: дитё одно, а имен — как у дурака фантиков...

Матвейка не был влюблен. Скорее, умилен и взволнован. Даша принадлежала совсем другой эпохе, другой цивилизации, другому виду

биологических организмов. Она была свободна, непосредственна, невежественна, любознательна, весела и спортивна. Она, как в Бога, верила в силу позитивного настроения. У нее не было памяти: все, что надо было знать о мире, любые, даже нелепые подробности, она немедленно извлекала из тучных, зланных информационных сетей-кладовых. У нее не было страха смерти, горней тоски и прочих духовных скреп. Она думала парадоксами, говорила цитатами и каждое утро начинала свежерожденным фениксом, прихватив из прошлого лишь бытовые навыки.

— Мэтью, ты уверен, что не болеешь раком?

— Господи, да! Что за дикий вопрос?!

— Вопрос как вопрос! Рак — это нормально в твоём возрасте! Я прочитала в ленте об одном любопытном исследовании. Думала тебе рассказать. Но если ты не болен, тебе вряд ли интересно.

Для нее не существовало запретных и неловких тем, как будто право иметь свой голос подразумевало право произносить любое слово, не заботясь, какие раны оно наносит собеседнику.

— У одного моего парня раньше была девушка — первая любовь, очень похожая на меня. И эта девушка умерла совсем молодой, они еще даже не расстались к тому времени. А недавно, прикинь, я узнала, что тот парень умер. И я подумала: ты на него похож! Очень похож! Если бы он дожил до старости, стал бы точно, как ты! Представляешь, как будет круто, если я умру? Получится такая цепочка судьбы!

Дарья родила Арсению. Родила в Германии, где по настоянию родителей собиралась продолжить учебу в Кёльнском университете.

Матвейка увидел девочку только на фотоотчетах в социальных сетях. Дашины родители, бизнесмены от искусства, в режиме бизнес-ланча быстро и внятно изложили ему требования: все контакты исключить и более никогда не появляться. В противном случае — публичное бесчестье, судебные иски и карьерный крах. Жена ничего не узнала.

— Матвей Илларионович, я бы хотела уже сейчас выбрать тему для дипломной работы. Начать исследования. Но мне никак не определиться. Общее направление я хорошо себе представляю, но какой именно аспект взять? Может быть, вы могли бы мне помочь?

— Не думаю... А чем бы вы, Ксения, хотели заниматься, когда вам будет пятьдесят?

— Что, простите?

— Знаете, такое часто с людьми происходит: раз — и пятьдесят.

— В пятьдесят лет? Может быть, путешествовать... Или вы про работу спрашивали?

— Это вы про работу спрашивали. Дипломную. Но только зачем она вам, когда вы хотите путешествовать? Бросайте ее к обценной мате-

ри — и Тур Хейердал в помощь! А то вдруг не успеете или забудете, и вместо экзотических пейзажей будете наблюдать несвежие хитрости ленивых студентов. Одни и те же. Из года в год. Представляете?

Матвейка улыбнулся девице прямо в распахнутые птичьи глаза.

Она потупилась, невнятно забормотала и исчезла с третьими петухами.

В зоопарк он поехал на трамвае. Через Тучков мост. Позвякивающий вагон с рогами-ромбами и глуповатым рыльцем еще возил на встречу с героями Красной книги и сам был таким же героем — дряхлой особью угасающего вида транспорта. Трамваи почти вымерли за последние двадцать лет. Их рельсы позарастали асфальтом, сохранившиеся маршруты стали короче, скучнее. В спальных окраинах оставались кое-какие заповедники, но в центре властвовали автомобили. Матвейка любил трамваи. В них не укачивало, не пахло бензином. Они шли медленно, мелодично, слегка покачивая боками, и их ход настраивал пассажиров на поэтическое созерцание заоконного бытия.

Нужная остановка, которая раньше называлась «Ленинградский зоопарк», теперь стала «Введенской улицей». Было неожиданно и неприятно, как будто случайно узнал, что девочка, чей портфель был рьяно носим в старших классах, вышла замуж и сменила фамилию. Но Матвейка не забрызжал: просто вытряхнул этот камешек.

Он вошел в зоопарк через съездившуюся главную арку, через турникет, подменивший стеклянную дверь, с одной стороны которой была табличка «вход», а с другой — «выход». Эта дверь была, как чудесный гриб: откусишь справа — вырастешь, слева — уменьшишься. Не стало ее — смело временем, но Матвейка все равно смог: откусил.

Одесную жили белые медведи: пожилая супружеская пара, но всегда с приплодом. Их бетонный дом с двумя отдельными спальнями и бассейнами не изменился за годы Матвейкиного отсутствия. Только вместо прутьев-пик на ограде поставили антивандальное стекло.

Медвежата приставали к мамаше, ныряли, разгребали черную воду желтыми лапами, грели на камнях слипшуюся от купания шерсть. Они были звезды, вундеркинды — восторженные зрители бурлили умилением и бросали в воздух съедобные дары. Медведь-отец не собирал толп. Его бок цвета валенка торчал из двери в логово, и сразу становилось понятно, что никакое шоу не начнется.

Напротив этого белого безмолвия стояла одна легонькая старушка в драповом пальто, войлочных ботах и пуховом платке, совокупленном со шляпой-таблеткой.

Таких старушек Матвейка не встречал уже лет тридцать. Даже тогда, в прошлом тысячелетии, они были редки и стары до замшелости. Сколько же ей?

Он осторожно, чтобы не спугнуть, переместился к мафусаиловой сестрице поближе и аккуратно заглянул ей в лицо. Она почуяла и слегка надменно нацелилась на Матвейку. Он собрался смутиться и отвести взгляд, как вдруг старушка прищурилась, потом разулыбалась, захлопотала хрупкими ручками и всем колоколом пальто потянулась к нему.

— Сережа! Сергунечка! Маленький мой! Да как же! Где же ты был?!

— Я?!

— А Софья-то Санна, Царствие ей Небесное, говорила, что нет тебя. Уехал. А я знала, чувствовала. Зачем тебе уезжать?

— Куда уезжать?!

Старушка уже обнимала Матвейку со всех сторон, разглаживала сухими пальчиками его обвисшие несвежие щеки, прижималась шляпкой к его растерянному сердцу. Скорые легкие слезы текли через ее лицо и на вековой драп, и на темно-синий кашемир, как будто связывая одежду кровной клятвой.

Отплакав положенное, она нахмурилась и строго пожурела:

— Серезенька, ты что же не навещал бабушку-то? Большой ведь уже! Спрашиваться не нужно!

— Не знаю. Работал!

— Ну, работа — это конечно. Тут ничего не поделаешь. А детки как? Привел бы правнучков. Я их и не видела толком!

— Приведу.

— В зоопарк с ними ходим. Мы с тобой всегда в зоопарк ходили. А помнишь, как ты белым медвежатам имена придумал? Одного Миня назвал, а другого Мотя. Я старая, а не забыла. Сергунечка, мальчик мой дорогой!

Матвейка сглотнул шерстяной комок.

— Я помню.

— Умница! И нутро у тебя доброе!

Она удовлетворенно вздохнула, взяла его под руку.

— Пойдем?

Они торжественно прошествовали мимо хищных вольеров к птичнику, игнорируя модернизированный обезьянник, павильон рептилий и прочие новостройки. Им обоим одинаково хотелось запутаться в нитях воспоминаний, связать их в общий, необратимый узел — и они придерживались дорог, не траченных временем, с привычным глазу антропогенным рельефом.

— Сергунечка, ты и не знаешь, наверное, я же переехала. Теперь живу прямо тут, на Зверинской. Хоть каждый день — в зоопарк.

— Давайте, бабушка, я вас провожу.

— Ты что это мне выкаешь?! И что за «бабушка» такая?! Даже при Софье Санне ты так не говорил! Или «бабуся», или «бабушка Люся».

Матвейкин голос сломался в трех местах и обмяк, шелестя, как дырявый воздушный шарик.

— Пойдем домой, бабушка Люся.

— Вот и хорошо, внучек. Пойдем.

День расступился перед ними, из образовавшегося проема повеяло теплым и ностальгическим. Воздух стал свеж и неистов. Дома подтянулись, незаметно утерли грязную пыль нижних этажей, попрятали балконные лыжи и прочую рухлядь. Гуляющие дети сменили гаджеты на лопатки, совочки и формочки. А в гастрономе сосиски завернули в веленевую бумагу.

Бабушка Люся накрыла стол торжественной скатертью с невыводимыми пятнами. Достала водку неизвестно-скольки-летней выдержки, заветную банку зеленого гороха. Долго разминала деревянной толкушкой липкий картофель — чтобы без комков! Но только когда Матвейка откусил заботливо нарезанной сосиски, слезы прорвались сквозь годичные кольца и гендерные запреты. Он плакал навзрыд, как не плакал даже маленьким; жаловался на пустую жизнь, бесполезную работу, любимых женщин, чужих детей. Давился консервированным горошком, сморкался в наглаженный носовой платок, а бабушка Люся обнимала колышущееся Матвейкины плечи, гладила по липким редующим волосам и расправляла, наполняла, заживляла.

— Что ты, маленький мой! Пятьдесят — это только начинается все! Мальчишка! Целая жизнь впереди! О чем тут убиваться? Силы, здоровье — все есть! Да мне б твои пятьдесят, я бы девочкой скакала! А с детьми устроится как-нибудь, вот увидишь. И с женой тоже. Все будет у тебя, Сергунечка, все еще будет!

Уже ночью, в колющей холодом темноте, он долго сидел на скамейке во дворе бабушкиного дома, не находя мужества вызвать такси. Он мучительно, неотступно завидовал счастливчику Сереге, у которого все, решительно все было впереди.

Краснуха и голубой трамвай

Я — такая маленькая, как горошина под унылой принцессой, которая ловко воспользовалась снобизмом потенциальной свекрови. Такая круглая, теплая, твердая горошина. Вокруг меня лежит неуклюжее, вспотевшее от сна под ватным настилом тело школьницы одиннадцати дурацких лет, которое сейчас придется поднимать, одевать в школьную

форму, насыщать завтраком и выгонять на черный, пахнущий желтым фонарным электричеством мороз.

— Сейчас, мамочка! Я уже встаю!

Над куполом одеяла включается условное утро, которое можно (вычислено путем эксперимента) игнорировать еще минут пять, а то и десять, если бутерброд, например, потом съесть в лифте или по дороге к трамваю.

Я больше не горошина, но познавать самое себя во всем ослепляющем богатстве внутреннего мира становится почти невозможно при свете стоваттной лампочки, даже под защитой одеяла. Вопрос: «Кто я?» плавно перетекает в: «Кем мне быть?». Неплохо бы быть птицей. Причем такой птицей, которая может еще есть шоколадные конфеты. И плавать. И чтобы птенцы, которые у нее рождаются, были не лысые, большеголовые, похожие на пожилых динозавров, как у каких-нибудь скворцов, а, наоборот, такие пушистые и пестренькие, как совытки.

— Ты что?! Еще не оделась даже?! Тебе выходить через пять минут!

Сегодня выходить особенно не хочется. В жизни меня не ждет ничего хорошего: контрольная по математике — раз, диктант по английскому — два, и самое гадкое — урок фортепиано, к которому надо было разобрать новую пьесу. Конечно, я ее даже не открывала.

Вся ненависть мира сконцентрирована для меня в полированном уродце с белыми щербатыми зубами под крышкой, с кишками не рвущихся никогда струн, непонятно с какого перепоя названного в честь второго месяца осени. Ненавижу тебя, пианино! Не занималась и не буду! Пускай отберут все книжки и лишат карманных денег. Никогда англичанин не будет рабом!

— Немедленно вставай! Сию секунду!!!

Школьную форму можно надеть одним движением, если вечером снять платье вместе с фартуком. Колготки. Галстук. Волосы в хвост. Зубы не чистить — главное, чтобы щетка мокрая. Чай уже остыл — можно залпом, по-гусарски. Бутерброд — в карман пальто.

— Все, мамочка! Я пошла!

— Целую тебя, дорогая, будь умницей.

Эх, мама! Знала бы ты, что умницей мне не стать. Не сегодня. Вечером позвонит Евгения Борисовна и специально-отвратительным тоном будет рассказывать, что девочка к инструменту не подходит, домашнего задания не выполняет, и что дальнейшие занятия — бессмысленная трата материнских денег.

А еще Юлия Валентиновна, училка по английскому, мамина подружка, вместо того, чтобы поставить оценку поприличнее, обязательно спросит, не случилось ли чего, раз ребенок к диктанту не подготовился.

Как будто только горе в семье может помешать человеку выучить неправильные глаголы!

На остановке трамвая холодно и одиноко. Я вглядываюсь вдаль, в поворот, где из-за кирпичного бока универсама может показаться красное рогатое рыльце. Мне подходит любой, но я не чураюсь примитивных языческих верований и люблю, когда приходит двадцать пятый. В отличие от сорок третьего или пятнадцатого, он является несомненным предвестником хороших оценок и прочих социальных успехов.

Я жду совсем недолго. Если честно, совсем не жду. Я даже не успеваю пройти до конца асфальтированный параллелепипед перед рельсами, как из-за угла показывается трамвай. Волшебный голубой трамвай двадцать пятого номера! Я не верю своим глазам. Разве такое может быть?! Понятно, если бы сегодня был мой день рождения или восьмое марта, или какая-нибудь пятница перед каникулами, тогда явление такого транспорта было бы обосновано и в чем-то даже закономерно: счастливые дни имеют право начаться с чуда. Но сегодня?! Очевидно, что судьба жестоко дразнит меня, заманивает надеждой на сказочный конец. Право же, смешно. Я сознательная дарвинистка, пионерка, живу на свете уже двенадцатый год... Но где-то в глубине души, очень глубоко, даже глубже, чем мысли о подарках на Новый год, начинает пощипывать наивное чувство: «а вдруг все будет хорошо».

До школы еще минут пять идти пешком. Между пятиэтажными торцами панельных жилищ — привычная, почти звериная тропа, облагороженная досками и кирпичами для преодоления луж.

— Привет.

Я оборачиваюсь и вижу его! Огонь моего сердца, слабость моей души, песнь моего взора. У него лаичьи глаза, ресницы, как у балерины, и передний зуб пал жертвой хоккейной шайбы. Он дерется даже с семиклассниками и краснеет, когда его вызывают к доске. Он отъявленный хулиган, и по нему плачу не только я, вкуче с доброй половиной девиц класса, но и колония для несовершеннолетних. Это мой личный царевич и я готова делать все домашние задания на свете, чтобы его стрела попала на мой двор.

— Слушай, а ты английский делала?

О, музыка сфер! Принц посмотрел на меня два раза! Господин выбрал меня любимой женой!

— Не-а. Не открывала даже.

— Вот блин! Англичанка сказала, что еще одна пара — отца вызовет.

Ненавижу свою лень! Ведь могла бы вчера вместо того, чтобы под руководством наркотического Буссенара освободить маленький, но гордый народ буров от проклятых британцев, выучить неправильные

глаголы! А вдруг, чтобы было удобно списывать, он бы даже сел со мной за одну парту! Но все равно я чувствую себя такой счастливой от того, что мы идем вместе, рядом, и у нас общая беда.

Я прыгаю через марианскую впадину перед школьным крыльцом, поскальзываюсь на мокром перевалочном кирпиче, и принц подцепляет мою нелепо взлетающую руку, держит в своей, пока я не завершаю прыжок, на глазах у всех школьников мира. Мне становится бесконечно плевать на неизбежную пару по диктанту, неразобранную пьесу, а заодно и на то, что Анжелка Ширмомедова, главная красавица класса, объявила мне вендетту за попадание мячом в ее архитектурно-безупречную попу.

Первым уроком — труд. По мне, лучше три контрольных по математике подряд, чем одно домоводство. Я могу загубить даже омлет, а моя прихватка подойдет разве дружественному посланцу какой-нибудь негуманоидной цивилизации. Каждый раз, когда в конце урока на учительском столе выстраиваются кулинарные или портновские достижения одноклассниц, я отчетливо понимаю: мамины пророчества о том, что мой гипотетический муж сбежит после первой же яичницы, имеют все шансы сбыться. В общем, труд я терпеть не могу.

Я растекаюсь на последней парте в предвкушении пяти-десяти минут полусна, пока наша классная, мутное отражение Елены Молоховец, будет открывать остальным тайну приготовления какао.

— Вера! Радченко! У нас сегодня комиссия из РОНО, а Федорова заболела. Ты проведешь экскурсию по школьному музею на втором уроке. Иди пока готовься!

Не веря своим ушам, заталкиваю в портфель ненадетый фартук, одновременно придавая лицу самое ответственное выражение. Любому должно быть ясно, что эта девочка не посрамит честь школы не только перед тетками из РОНО, но даже перед дядьками из Министерства образования.

Я отрабатываю реверанс судьбы на все сто. Наша школа — имени сто пятьдесят четвертого авиационного истребительного полка. Музей полон фотографий красавцев в летных формах, ископаемых железок, изъятых из лужских болот учащимися старших классов, и увенчан чудесным макетом военного лесного аэродрома размером с теннисный стол.

Макет — это отдельная радость. На самом его краю, в ватных снегах среди поролоновых елей, распластался крошечный летчик Маресьев, Настоящий Человек из одноименной повести. Он — почетный председатель совета ветеранов, и несколько раз бывал у нас в школе. Когда я впервые увидела плотного, крайне невысокого джентльмена с тростью и красным мясистым носом, вальяжно выходящего из директорского

кабинета, меня охватили сомнения: не является ли вся книга о нем мистификацией? Не надул ли доверчивую школьницу товарищ Полевой, описывая, как по мерзлой земле, питаясь ежами, волооча за собой мертвые ноги, герой дополз до своих, а после, невзирая на протезы, продолжил с воздуха крушить немецко-фашистскую гадину?! Я заглянула Маресьеву в глаза, и на меня моментально повеяло таким жестким, таким ледяным, что я внутренними органами почувствовала — все правда.

Мой голос звенит, как колокольчик на первое сентября, на глаза наворачиваются слезы. Судя по благосклонным кивкам директора, тетки из РОНО полностью удовлетворены. И, хотя никто не забыт и ничто не забыто, на третий урок — математику — я все равно успеваю.

Контрольная оказывается ерундовая. Я решаю все минут за двадцать, а остальное время перебрасываюсь записками с Сашкой Апарциным, который одной ногой уже в физмат школе, поэтому многое может себе позволить. Математичка сделала по пять замечаний на брата и пообещала, что за каждую помарку будет снижать нам оценку на балл, но меня это не пугает: дальше все равно английский, урок фортепьяно... Безумству храбрых поем мы песню!

За пять минут до звонка в класс входит школьная медсестра со скорбно-озабоченным лицом.

— Внимание, класс! В 5 «А» и в 5 «Б» несколько учеников заболели краснухой. Закатайте рукава и тщательно осмотрите руки в районе локтей и запястий. Кто заметит небольшие красные пятна — немедленно ко мне в медкабинет.

Краснуха как болезнь мне представляется крайне смутно. Из глубин памяти выглядывает маска Эдгара По, но тон медработницы такой будничной, такой далекий от панического ожидания всеобщей скорой, но мучительной гибели, что я загоняю Красную Смерть обратно. Если отсесть летальность и высокий трагизм, то краснуха видится условно съедобным грибом, как, например, свинуха или рыжик. Ее должны засаливать в старых эмалированных кастрюлях и есть зимой с луком и пахучим подсолнечным маслом.

Рассматриваю свои руки. Как именно должны выглядеть искомые пятна, я не имею никакого понятия, но еще свежи воспоминания о прошлогодней ветрянке, и уверена, что они, пятна, напоминают красные чесучие прыщи-язвы. Ничего подобного на моих руках нет, поход в медкабинет мне явно не светит, а значит, на английский я попадаю вовремя. Но вера в силу голубого трамвая окрепла и утвердилась во мне, проросла и вызрела, забродила и ударила в голову молодым вином.

Я уверенно поднимаюсь, собираю портфель и вместе с парой одноклассников иду на второй этаж к врачу. Звонок застает меня на осмотре,

и у меня уже есть алиби, независимо ни от чего. Медсестра что-то пишет в журнал.

— В 5 «В» пока трое, Анна Сергеевна!

Трое! Это значит, что и я тоже! Я тоже ношу на себе таинственные красные пятна, индульгенцию на английский, музыку и на все, что еще будет сделано предъявителем сего. Тем временем Анна Сергеевна, наша врачиха, обзванивает родителей.

— Домашний режим — минимум две недели. Первые дни лучше постельный... Краснуха редко дает осложнение в этом возрасте, но лучше не рисковать... Может быть слабость, повышение температуры... Да, любое жаропонижающее... Лучше не мыться, пока пятна не исчезнут.

Мама сегодня — в вечер. Она успевает перед приемом заехать в школу и забрать меня домой — в нечаянную радость постельного режима.

Я лежу в кровати. Я — часть натюрморта из нарезанных апельсинов, яблок (больному ребенку нужны витамины!), коробки шоколадных конфет «Ассорти» и книжки про капитана Сорви-голову. Как прекрасно болеть, когда не течет из носа, голова не становится свинцовой от температуры, в ушах не пульсирует расплавленная медь двустороннего отита! Скоро из школы придет моя соседка Юлька, она наверняка не откажется посетить больную подругу. Конечно, ее маме мы не расскажем про краснуху, которая, как я надеюсь в глубине души, не менее заразна, чем черная оспа, и тогда две недели карантина пройдут в теплой дружественной обстановке. Мы напишем любовный роман, действие которого разворачивается в пансионе для девиц (оперетта о «небесных ласточках» поразила сердце обеих), научимся плести французские косы. И, главное, я наконец-то дошью кукле Соне свадебное платье, а то она с летних каникул кукует в девках.

Я зацепляю из коробки конфету, и она падает прямо на белоснежный пододеяльник, но шоколадный след не марает ткань. Сегодня все так. Голубой трамвай, как Андреевский флаг, осеняет всякое движение и дарит сладкое, воздушное ощущение всемогущества. Такое достоверное, что не хочется опозлять его экспериментами. Мысль столкнуть со шкафа мамину вазу, чтобы посмотреть, разобьется или нет, отмечается мною как недостойная. Как было бы прекрасно, если бы все дни были такие! Я стала бы как Зорро из фильма: пули, выпущенные наугад, пронзали бы сердца злодеям, любой прыжок с любой высоты завершался в стоге сена или на спине пробежавшего мимо верного коня, а рубашка всегда оставалась бы белой и сухой — даже после плавания в зловонном болоте. А еще каждый раз, когда не хочется идти в школу, я болела бы краснухой.